
Марей А. В. Размышления о нации : рецензия на книгу Д. М. Бондаренко «Постколониальные нации в историко-культурном контексте» // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 366–373.

АЛЕКСАНДР МАРЕЙ*

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАЦИИ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Д. М. БОНДАРЕНКО «ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ
НАЦИИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ»

Бондаренко Д. М. Постколониальные нации в историко-культурном
контексте. — М. : ИД ЯСК, 2022.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-366-373.

События нескольких последних лет, от начала пандемии коронавируса до продолжающейся сейчас специальной военной операции на Украине, заставили задуматься многих интеллектуалов о, казалось бы, привычных приметах модерна, таких как государство, нация, суверенитет и международное право. В начале пандемии много говорили и писали о том, что государство как институт изжило себя и уже не справляется с вызовами нового времени. С ее окончанием и особенно с началом СВО все чаще и чаще стали признавать, что государство хоронить еще рано. В связи с судьбой государства в современном мире неминуемо поднимается и вопрос нации. Можно ли утверждать, что нация по-прежнему остается одним из важнейших оснований политической культуры модерна? И может ли нация быть иной — выстроенной по лекалам, отличным от классических европейских образцов? Эти вопросы рассматриваются Д. М. Бондаренко в его новой книге «Постколониальные нации в историко-культурном контексте», ставшей предметом данного небольшого обзора.

Книга эта привлекает к себе двумя моментами. Во-первых, потому, что перед читателем предстает, безусловно, одно из самых развернутых теоретических высказываний человека, по праву считающегося живым классиком отечественной политической антропологии, и в то же время

*Марей Александр Владимирович, к. юрид. н., доцент; факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), amarey@hse.ru, ORCID: 0000-0001-6185-0453.

**© Марей, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

одного из наиболее сильных современных африканистов¹. В центре внимания Д. М. Бондаренко на протяжении последних нескольких десятилетий устойчиво держится ряд проблем политогенеза, прежде всего — проблема сущности государства, его воспроизводимости и вариативности в неевропейских сообществах. Во-вторых же, книга «Постколониальные нации в историко-культурном контексте» привлекательна тем, что в ней вниманию читателя предлагается авторская концепция нации, отличающаяся от ставшей уже классической и несколько поднадоевшей концепции Бенедикта Андерсона.

Д. М. Бондаренко обращается прежде всего к проблеме формирования наций в странах, до относительно недавних пор бывших колониями. При этом, хотя автор и ставит проблему предельно широко на уровне заглавия, уже во введении он оговаривает, что, во-первых, «в настоящей монографии анализируются только страны, являвшиеся колониями между второй половиной XIX и второй половиной XX вв.» (Бондаренко, 2022: 10), а во-вторых, что речь идет о странах, которые «даже официально не имели политической независимости, а находились в прямом и полном подчинении у какого-либо западноевропейского государства» (там же: 11). Таким образом, взгляд автора обращается к странам Азии и Африки, получившим независимость не ранее 1945 года. Объединяет их, с точки зрения Д. М. Бондаренко,

безусловная потребность в формировании национального единства в границах каждого государства, то есть наций как совершенно необходимого условия общественного развития постколониальных стран в любой сфере (там же: 12).

Исходя из введенных ограничений, непосредственным предметом рассмотрения в данной книге становится «природа нации и в связи с ней — природа общества и государства в постколониальных странах Азии и Африки» (там же: 12–13).

Свои мысли Д. М. Бондаренко структурирует в четыре главы неравного размера и неодинаковой теоретической значимости. Первую главу «Феномен нации и эпоха модерна (Нового времени)» (там же: 14–46) он посвящает анализу историко-философских и философско-правовых

¹Представляется не вполне осмысленным приводить здесь ссылки даже на основные работы Д. М. Бондаренко, поскольку их весьма много: на сегодняшний день из-под его пера вышли восемь монографий (две из них — в русской и в английской версиях) и около 200 научных статей. Составить основное (хотя и неполное) представление о научной деятельности Бондаренко читатель сможет, ознакомившись с его страницей на сайте Института Африки РАН: <https://www.inafran.ru/node/46> (дата обр. 02.06.2023).

концептов, таких как нация, гражданское общество, государство, проясняя не столько даже сами эти понятия, сколько их соотношение. Во второй главе «Колониализм — постколониализм — нации» (Бондаренко, 2022: 47–149) он обращается к проблеме формирования нации в колониальном и постколониальном мире, но по-прежнему рассматривая в основном теоретические аспекты этого вопроса. Третья глава посвящена анализу трех конкретных примеров становления наций в Танзании, Уганде и Замбии (там же: 150–210), а в четвертой — Д. М. Бондаренко вновь обращается к более общим рассуждениям, рассматривая процесс складывания наций в постколониальных странах в современном мире (там же: 211–265). Обращает на себя внимание, что весь текст книги занимает 270 страниц, а в томе их почти четыреста. Объясняется это тем, что последние 125 страниц заняты по-настоящему гигантской библиографией, собранной Д. М. Бондаренко для этого исследования. Как раз с этой особенностью книги и связано мое первое к ней критическое замечание. Причем адресовано оно не столько автору, сколько издателям, которые должны были отследить этот момент. Дело в том, что Д. М. Бондаренко предпочитает внутритекстовые ссылки на литературу подстрочным сносккам. Цитирует он много и охотно, в результате достаточно часто авторский текст буквально рвется на части двух-, трех-, а иногда и пятистрочными ссылками на литературу. Читать текст, форматированный подобным образом, весьма неудобно и сложно, причем сложность эта, повторю, обусловлена в данном случае работой верстальщика книги, а не авторской мыслью.

Вернемся к авторской концепции нации, сформулированной Д. М. Бондаренко. В самом начале первой главы он приводит свое понимание нации, которая определяется им как

надэтническая общность людей, верящих в свое единство через принадлежность к одному национальному гражданскому обществу как форме социальной организации нации; разделяющих единую в своих базовых чертах систему нравственных, социальных, политических ценностей, отражающихся в национальной культуре и подпитываемых национальной идеологией; имеющих особую форму политической организации своей общности — национальное государство (там же: 15).

В этом определении обращают на себя внимание несколько моментов, впоследствии развиваемых Бондаренко на страницах рассматриваемой книги.

Во-первых, нация строится на вере людей в свое единство, то есть и в этом автор книги совпадает с Бенедиктом Андерсоном — она является воображаемым сообществом. Во-вторых, нация в этом определении оказывается неразрывно связана с гражданским обществом. Более того, как проговаривает сам автор несколько позже, нация есть не что иное, как форма осознания гражданским обществом самого себя (Бондаренко, 2022: 18), из чего со всей очевидностью делается вывод, что вне гражданского общества и без него нация существовать не может. В-третьих, нация, по крайней мере в своей классической форме, не живет без и вне государства. Этот третий тезис вырастает в крайне любопытную конструкцию в четвертой главе книги, где автор рассматривает особенности формирования нации в современный период.

Отталкиваясь от тезиса о том, что мультикультурализм не противоречит национализму, Д. М. Бондаренко постулирует, что в настоящее время сущность нации меняется и

из общности, основывающейся на культурном единстве ее членов, она превращается в общность мультикультурную, покоящуюся на иных основаниях (там же: 217).

Соответственно, быть сегодня членом нации означает

проявлять толерантность к инокультурным согражданам, чьи культуры и системы ценностей формировались вдали от страны, чей паспорт они имеют, даже если эти люди родились уже в ней, т. е. не являются мигрантами (там же: 244).

То есть поликультурность становится ныне важнейшей характеристикой новой нации (там же: 245). И единственной по-прежнему действующей скрепой, объединяющей граждан того или иного государства в нацию, остается «признание верховенства единого государственного права над культурными нормами отдельных сообществ» (там же). При этом сам же Д. М. Бондаренко отмечает — и это, по-моему, звучит контрапунктом к его основной теории, — что сейчас налицо

исчезновение конгруэнтности между утрачивающей жесткую территориальность нацией и территориальным по определению национальным государством (там же: 229–230).

Утверждения же автора, что связь между территорией и нацией размывается не в смысле ее исчезновения, но в смысле формирования более многослойной идентичности людей (там же: 230), выглядят, на мой взгляд, не вполне убедительно.

Объединяя эти утверждения с постулатами из первой главы монографии, можно собрать достаточно непротиворечивую концепцию нации, предлагаемую Д. М. Бондаренко. Нации как прежде всего политическое сообщество, совпадающего по объему с гражданским обществом того или иного государства, признающего законы этого государства и объединяющегося, во-первых, как раз признанием верховенства этих законов и, во-вторых, готовностью принимать в свой круг людей совершенно иных культурных устоев, признающих те же законы и соответствующих их, законов, требованиям. Эта конструкция, хотя и выглядит достаточно логично, все же вызывает множество вопросов и замечаний, некоторые из них я постараюсь сформулировать ниже.

Первый вопрос касается отождествления нации и гражданского общества. На мой взгляд — не профессионального исследователя-антрополога, но в меру внимательного наблюдателя, — гражданское общество далеко не всегда совпадает по своему объему с населением той или иной страны (или того или иного государства). При этом мое сомнение относится не к странам с авторитарным режимом, где подобное различие отмечается самим Бондаренко (Бондаренко, 2022: 19–22), но к «классическим» странам западной демократии, например к Испании, которую я знаю несколько лучше иных государств. За пределами гражданского общества там остается не только большая часть мигрантов, но и часть иноязычных и инокультурных уроженцев самой Испании, например марокканцев, русских или украинцев. Они формируют диаспоры, закрытые извне, сознательно не проявляя воли инкорпорироваться в остальное общество. То есть даже те из них, кто имеет паспорт Испании, т. е. формально является испанским гражданином и подданным короля Филиппа VI, все же не составляют части того, что можно назвать испанским гражданским обществом.

Напротив, в общество — и в нацию в более широком смысле — легко инкорпорировуются выходцы из стран Латинской Америки. Очень часто, взяв в руки паспорт того или иного уважаемого испанца, университетского профессора, врача или менеджера среднего или высшего звена, можно увидеть в качестве места рождения Венесуэлу, Кубу или Аргентину, в то время как гражданство у него будет испанское. В то же время для упомянутых выше марокканцев, украинцев или русских «своими» в гораздо большей степени, нежели испанцы, будут другие арабы, украинцы или русские вне зависимости от того, где они проживают. Разумеется, бывают и исключения, но они возникают, как

правило, в среде людей, получивших высшее образование и прекрасно говорящих по-испански.

Второй вопрос касается ухода от монокультурной нации к мультикультурной, в которой единственной (или, по крайней мере, основной) скрепой остается признание верховенства правовой системы государства, в рамках которого существует нация. Подобная картина все же более характерна для классической империи, нежели для государства-нации. Именно там — и здесь примером может служить Римская империя — понятие гражданина структурировалось через его правовой статус. При совершенно безразличном отношении к цвету кожи человека, разрезу его глаз или форме носа там смотрели на то, свободен ли человек, соответствует ли он критериям гражданина, закрепленным в праве, платит ли он подати и служит ли в легионах. Более того, подобный подход к понятию гражданства освобождал от территориальной привязки, ведь неважно, откуда приехал человек или где он живет; если он римский гражданин, то там, где он живет, будет римская земля. Если же он не является гражданином, то тем более безразлично, где он проживает и от кого произошел на этот свет. Нечто похожее можно было увидеть и в Советском Союзе, где в итоге сформировался новый тип правовой, политической, а значит и культурной, идентичности, известный по литературе как *homo sovieticus*. Но этот подход, что очевидно, дезавуирует и само понятие нации, поскольку империя по своему определению транснациональна. Гражданство империи и ее гражданское общество, если вообще можно говорить о таком, не завязано на понятии нации.

Но здесь мы упираемся в одно серьезнейшее обстоятельство, отличавшее ту же Римскую империю от упомянутого Советского Союза, от предшествовавшей ему Российской империи или, кстати, от Танзании, пример которой подробно рассматривается Д. М. Бондаренко в его книге. Для Рима и в самом деле определяющим и по большому счету единственным маркером гражданина было признание им верховенства существующего правопорядка и его соответствие правовым же критериям. Августин, как мы помним, утверждал, что главным обстоятельством, в силу которого граждане империи были разобщены относительно друг друга, было различие языков, на которых они говорили.

Если же для государства (или для империи — в этом они совпадают) принципиально важным становится гражданское единство, если государство стремится к тому, чтобы управлять не разрозненными группками населения, но единым народом, то одним из лучших (если не лучшим!) инструментом в его руках становится именно языковая

политика. Это прекрасно показывает сам Д. М. Бондаренко, описывая становление танзанийской нации:

...в Танзании нет доминирующего численно народа, который можно было бы назвать «государствообразующим» и который мог бы претендовать на то, чтобы именно его язык стал лингвистической основой национального единства (Бондаренко, 2022: 169).

И далее: в Танзании поликультурность

имеет не всеобщий, но можно все же утверждать, что общий — охватывающий огромную часть граждан — знаменатель, общую рамку — ту самую платформу в виде культуры и особенно языка суахили (там же: 171).

И именно на основе единого языка и вырастает осознание принадлежности к определенной нации.

Собственно, изложенное выше и приводит меня к третьему — последнему в рамках этого небольшого обзора — вопросу (или сомнению) к концепции нации, собранной Д. М. Бондаренко в его книге про постколониальные нации. Мне остается непонятным, почему и зачем автор так сильно держится за связку «нация — гражданское общество — государство», даже учитывая сформулированные им же самим тенденции к размыванию связи нации и территории, нации и государства. Вполне логичным, как представляется, было бы признать, что в современном постколониальном мире старые государства-нации если и не уходят безвозвратно в прошлое, то переживают серьезные структурные изменения, прежде всего переставая быть государствами-нациями. Каждая из двух политических, правовых, социальных и культурных сущностей, составляющих этот тандем, продолжает жить отдельно, причем все больше и больше отдаляясь от другой. Нации становятся транстерриториальными, меняя свой принцип существования с внутригосударственного на диаспоральный (о диаспорах в современном мире, кстати, см. там же: 234 и др.). Государства же в значительной мере теряют свой «национальный» колорит. Альтернативой этому процессу видится проведение государством осознанной языковой политики, формирование нации (пусть и искусственной поначалу) за счет введения единого общего для всех языка. И тогда опорой этих новых наций станет, во-первых, единый язык, во-вторых, строящаяся на нем национальная культура и, в-третьих, признание верховенства законов того государства, где все это происходит.

Иными словами, отмечу в качестве заключения, что, по моему мнению, в современном мире можно говорить о появлении двух типов наций. Один — «старая европейская нация», основанная на едином языке, единой территории и едином же государстве. Второй — новая, подлинно постколониальная нация — растянутое в пространстве сообщество диаспорального типа, объединенное единой культурой и языком, но не привязанное к какому-либо конкретному государству, не зависящее от него и не совпадающее тем самым с гражданским обществом той или иной страны. Государства в таком случае утрачивают свой национальный характер, и там приходится искать какой-то новый фактор единения. Одним из вариантов такой идентичности, хотя и не единственным, становится конфессиональный. В обоих случаях, впрочем, мы продолжаем говорить о «воображаемом сообществе», рождение которого становится возможным только в том случае, если его члены верят в свое единство и разделяют «единую в своих базовых чертах систему нравственных, социальных, политических ценностей», отражающихся в их национальной культуре. Во втором случае предельно любопытными представляются перспективы дальнейшего развития этих «диаспоральных» наций, и здесь первое слово, разумеется, принадлежит историкам и антропологам. Нам же остается ждать следующих книг Д. М. Бондаренко и его коллег, посвященных этим сюжетам.

Marey, A. V. 2023. "Razmyshleniya o natsii [Reflections on Nation]: retsenziya na knigu D. M. Bondarenko 'Postkolonial'nyye natsii v istoriko-kul'turnom kontekste' [Review of Dmitry Bondarenko's Book 'Post-Colonial Nations in the Historical and Cultural Context']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 7 (2), 366–373.

ALEXANDER MAREY

PHD IN LAW, ASSISTANT PROFESSOR

FACULTY FOR HUMANITIES, HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6185-0453

REFLECTIONS ON NATION

REVIEW OF DMITRY BONDARENKO'S BOOK "POST-COLONIAL NATIONS IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT"

BONDARENKO, D. M. 2022. *POSTKOLONIAL'NYYE NATSII V ISTORIKO-KUL'TURNOM KONTEKSTE* [POST-COLONIAL NATIONS IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT] [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: YASK PUBLISHERS

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-366-373.